

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВЕТСКОМ ДАГЕСТАНЕ

Под общей редакцией В.О. Бобровникова

*Учебное пособие для профильных факультетов вузов
с углубленным изучением ислама
(региональный компонент)*

Метаморфозы мусульманской школы в период гонений на религию и массовых репрессий в Советской России и в последовавший за этим относительно стабильный период частичной легализации ислама в Советском Союзе пока еще плохо изучены. Большинство первоисточников, прежде всего на восточных языках, включая архивные документы, материалы частных краеведческих собраний и устные истории, еще только вводится в научный оборот. Настоящая полная русская версия этой работы, основанная на совместных исследованиях В. О. Бобровникова, А. Р. Наврузова и Ш. Ш. Шихалиева, представляет собой сделанный на первоисточниках обзор советского и постсоветского периодов истории исламского образования в Дагестане и в целом на Северо-Восточном Кавказе XX в. В работе учтены перемены, произошедшие в сети учреждений мусульманской школы, их учебных программах и социальном контексте развития исламского образования в регионе за последние четыре-пять лет. Она охватывает как историю трансформации исламского (религиозного) образования, так и становление академического (и светского университетского) исламоведения.

Советская эпоха, часто рисуемая временем бесконечных антимусульманских гонений¹, в действительности не представляла такой единой и безрадостной картины. При внимательном изучении первоисточников можно выделить несколько периодов трансформации исламского образования в Дагестане XX в. Это гражданская война и борьба за установление Советской власти на Северном Кавказе (1918–1921), раннее советское культурное и административное строительство (1920-е годы), массовые политические репрессии в ходе социалистических реформ (конец 1920-х – середина 1940-х годов), легализация мусульманских институтов после создания Духовного управления мусульман Северного Кавказа (1944 – начало 1950-х годов), наступление государства на ислам (середина 1950-х – начало 1960-х годов), стабилизация отношений Советской власти и мусульманских общин в период «застоя» (1960-е – 1980-е годы), «перестройка» (1985–1991), исламский подъем в постсоветский период (с начала 1990-х по настоящее

¹ Alexandre Bennigsen and S. Enders Wimbush, *Sufi and Commissar. Sufism in the USSR*, (L., 1985).

время). В целом (с некоторым разнобоем в датах) эта периодизация, на наш взгляд, применима к истории мусульманской школы во всех мусульманских республиках СССР².

Определяющим критерием такой периодизации является смена политических режимов в стране, связанные с ней изменения в конфессиональной политике государства, а также условия существования мусульманских общин. При переходе от периода к периоду формы институтов исламского образования, их содержание, функции и источники существования существенно менялись. Но в основе исламского образования оставалась сложившаяся в дореволюционном Дагестане автономная сеть негосударственных мусульманских школ, прежде существовавших за счет *вакфов* и частных пожертвований. Дореволюционные *мактабы* и *мадраса* остаются (порой недостижимо высоким) образцом для подражания для большинства дагестанских и прочих северокавказских учителей-*мударрисов* и их студентов-*мута'аллимов*. Дагестанские *мударрисы* советского и постсоветского времени в целом следуют дореволюционному «канону» образования, основанному на сочинениях шафиитской религиозно-правовой школы.

С эпохи средневековья до 20-х годов XX в. 'улама' (*алимы*) из Дагестана поддерживали связи с мусульманскими учеными и преподавателями из зарубежных шафиитских центров исламского образования в Сирии, Египте, Йемене, Неджде. Многие дагестанские *мута'аллимы* продолжали обучение в арабских странах. В целом же регулярные контакты Дагестана с культурными центрами Ближнего Востока были нарушены еще в период российского завоевания Северного Кавказа и строительства здесь укрепленной границы (Кавказской линии) в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. После окончания в 1864 г. затяжной Кавказской войны связи между мусульманами российского и зарубежного Востока ненадолго восстановились (до закрытия русско-османской границы с началом в 1914 г. Первой мировой войны), однако уже не в том масштабе. Дагестанские 'улама' и *мударрисы* вынуждены были переориентироваться на внутренние мусульманские регионы России, в первую очередь Поволжье³. В этом обзоре мы рассмотрим этот процесс, следуя по выделенным выше периодам.

² Ср. периодизацию исламского образования в Узбекистане, предложенную узбекской группой проекта под руководством Аширбека Муминова на конференции в Баку в марте 2002 г.: Муминов А. «Проект на тему “Мусульманское образование в Узбекистане в 1917–2002 гг.”», с. 3.

³ Подробнее об этом см.: V. Bobrovnikov. “al-Azhar and Shari'a Courts in the Twentieth Century North Caucasus”, *Middle Eastern Studies* (L., Oct. 2001, vol. 37, no. 4), pp. 3–5.

1. Гражданская война и установление Советской власти (1918–1921)

Советская власть в Дагестане победила в долгой и кровопролитной борьбе с целым рядом политических противников местного и международного значения. Из них серьезным соперником, а по временам и союзником, была республиканская Турция. Первые советские институты – Военно-Революционные Комитеты (*ревкомы*) и Советы возникли в городах Петровск (современная Махачкала) и Темир-Хан-Шура (современный Буйнакск) весной-летом 1918 г., но к 1919 г. Советская власть на Северном Кавказе пала. Большевикам приходилось много и часто лавировать, заигрывая с турками и мусульманскими лидерами Дагестана. В 1918 г. заведующим Отделом духовно-шариатских дел Дагестанского областного ревкома стал популярный в Дагестане суфийский шейх Сайфуллах-кади ан-Ницубкри ал-Гази-Гумуки (Сайпула-кади Башларов, 1853–1919). В бюро по печати ревкома сотрудничал известный дореволюционный *мударрис* Абу Суфйан Акаев (1872–1931) из Нижнего Казанище. Советская власть была установлена в 1920–1921 гг. благодаря военной поддержке Красной армии партизанскими отрядами шейха ‘Али-Хаджжи ал-‘Акуши (Акушинского) (ум. 1930).

Политика Советской власти в отношении исламского образования в первые годы ее существования была двойственной. С одной стороны, в советской риторике мусульманская школа приравнивалась к «темноте и невежеству», считалась орудием угнетения трудящихся мусульман при царском режиме. Главной задачей в области народного образования большевики всегда считали искоренение старой религиозной, в том числе примечетной школы и замену ее светскими государственными учреждениями. 23 января 1918 г. в Москве был принят знаменитый декрет Совнаркома РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Было решено, что «преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается» (ст. 9)⁴. С другой стороны, по крайней мере формально, провозглашалась веротерпимость. Ислам был уравнен в правах с православием. Большевики не раз подчеркивали, что никак не собираются ущемлять исламские традиции народов Северного Кавказа, лишать их мечетей и *мадраса*.

Первые послереволюционные годы отмечены обилием проектов в области образования на Северном Кавказе. Еще в мае 1917 г. на I-м Съезде горских народов

⁴ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, (Пг., 1917–1918), по. 18, ст. 263, а также переиздание этого декрета в кн.: *Законодательство о религиозных культах*, (Москва, 1969), с. 52.

Кавказа, проходившем во Владикавказе, левый эсер Саид Габиев (1882–1963, с 1918 член РКП(б), а с марта 1920 – Северо-Кавказского Ревкома) предложил создать национальную светскую школу. Съезд постановил ввести для кавказских горцев всеобщее, обязательное и бесплатное образование. На всех уровнях обучение велось на родном языке. С первого года обучения обязательно изучался Коран и основы веры (*усул ад-дин*, «закон Божий»), с третьего класса – арабский и русский, а с четвертого – тюркский языки. «Для всех горцев Кавказа за основной должен быть принят арабский алфавит с прибавлением лишь тех букв для звуков, которых нет в арабском алфавите» (т.е. ‘*аджам* – В.Б., А.Н., Ш.Ш.). Съезду ‘*улама*’ и *мударрисов* поручалось выработать единую систему кавказского ‘*аджама*’⁵.

Духовная секция съезда выработала проект реорганизации управления мусульманскими институтами всей страны: «в столице Российского государства должна быть учреждена должность *шейх-ал-ислама*, избираемого мусульманами России на точном основании шариата. *Шейх-ал-ислам* пользуется правами министра по мусульманским религиозным и политическим делам. При *шейх-ал-исламе* должен быть совет из шести представителей, избранных по правилам шариата: по два от *шафи’итов*, *ханафитов* и *джа’фаритов*. Для мусульман Терской, Кубанской и Дагестанской областей, Черноморской губернии, ногайцев, караногайцев и туркмен Ставропольской губернии учреждается должность Кавказского *муфтия* с резиденцией в г. Владикавказе. При *муфтии* должен быть совет из четырех *кади*, по два от *шафи’итов* и *ханафитов*». Он был председателем Кавказского горского духовного правления из 9 *кади* (3 из Дагестана), которых должны выбирать из своей среды знатоки шариата. 5 мая 1917 г. *муфтием* был избран близкий к суфизму известный политический деятель и ученый (‘*алим*) Наджм ад-дин ал-Хуци (Нажмуддин Гоцинский, 1859–1925)⁶.

В основу этого постановления, похоже, были положены проекты отдельного муфтията для российских мусульман Северного Кавказа, обсуждавшиеся на мусульманских съездах и собраниях времен первой русской революции (1905–1907), а

⁵ Рукописный фонд Института истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН (далее: РФ ИИАЭ), (Махачкала), ф. 2, оп. 1, д. 57, лл. 38–39.

⁶ Там же, лл. 40–41, 20. Проект был записан товарищем председателя секции съезда Мухаммедом Абдулкадыровым по-арабски и по-русски. Русская версия опубликована в кн.: *Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.): Документы и материалы*, (Махачкала, 1994), с. 37–40, 41.

также законопроект, рассматривавшийся IV-й Государственной Думой в 1913г.⁷. Разные планы создания северокавказского *муфтията* обсуждались в дореволюционной русской администрации на Кавказе начиная с 1889 г.⁸. После 1917 г. осуществить их помешала начавшаяся разруха и гражданская война. Не был реализован и проект светской национальной школы С. Габиева. В нем было немало абсолютно неосуществимых предложений, например создание единого кавказского *‘аджама*. При всем том необходимо отметить, что некоторые идеи послереволюционных проектов были учтены при подготовке в 20–40-х годах советских реформ мусульманской школы, в чем не трудно убедиться из дальнейшей истории исламского образования в советском Дагестане.

Созданное в мае 1917 г. духовное правление (*ал-идара аш-шар‘иййа*) не смогло контролировать не только всего Северного Кавказа, но даже Дагестана. Не помогло избрание Гоцинского муфтием Дагестана и Чечни на съезде *‘улама’* в с. Анди в августе 1917 г.⁹ Эта должность оказалась чисто номинальной, как и власть созданной в 1918 г. Горской республики, в правительстве которой Н. Гоцинский стал главноуправляющим шариатскими делами. В Дагестане возникло многовластие. В противовес Гоцинскому в январе 1918 г. на III Съезде горских народов *шейх-ал-ислам* Дагестана был избран *‘Али-Хаджжи Акушинский*. Он также входил в Горское правительство. Белая Добровольческая армия, занявшая Дагестан весной 1919 г., в свою очередь попыталась низложить Акушинского, поддержавшего большевиков. Генерал М. Халилов назначил шейх ал-ислам его заместителя *‘Абд ал-Басира-хаджжи Мустафаева*¹⁰. Духовное управление (*ал-идара аш-шар‘иййа*) Горской республики успело подготовить ряд проектов реорганизации мусульманской школы в регионе.

Из его постановлений, сохранившихся в арабских рукописных копиях, наибольший интерес представляет обращение А. Мустафаева ко всем мусульманам Дагестана, составленное вероятно между 1918 и маем 1919 г., в бытность его заместителем *‘Али-*

⁷ “Законодательное предположение об учреждении особого духовного управления (муфтията) для мусульман Северного Кавказа”, Мир ислама (СПб., 1913, т. 2, вып. 12), с. 915–919. См. о нем: Д. Усманова, *Мусульманская фракция и проблемы “свободы совести” в Государственной Думе России (1906–1917)*, (Казань, 1999), с. 87, 110–116.

⁸ Д.Ю. Арапов (сост.), *Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика*, (Москва, 2001), с. 283–287, 297–299, 312.

⁹ Мусават (31.08.1917, по. 21, на азерб.). См. также: М.К. Дибиров, *История Дагестана в годы революции и гражданской войны*, (Махачкала, 1997), с. 29.

¹⁰ *Союз объединенных горцев...*, с. 289–290, 305, 308–309, 406–407.

Хаджжи. В нем содержится наиболее подробное описание проекта организации, учебных программ и финансирования четырехстепенного исламского образования от начальной школы до дагестанского университета, задуманного по образцу знаменитого египетского ал-Азхара: «учредить мадраса в каждом селении Дагестана соответственно его возможностям и изучать в них религиозные науки на арабском языке (*ал-‘улум ал-‘арабиййа ад-диниййа*) после чтения слова Божия (т.е. окончания коранических классов – В.Б., А.Н., Ш.Ш.) в [начальных школах-]мактабах; учредить в каждом округе (*нахиййа*) Дагестана высшие школы (*ал-мадарис ал-‘алиййа*), в которых наиболее способные из [выпускников] сельских мадраса будут изучать шариатские науки (*ал-‘улум аш-шар‘иййа*). Также учредить высшую школу Дагестанской области в Темир-Хан-Шуре под названием Блестящая (*ал-издахириййа*) дагестанская мухаммеданская мадраса, а во главе школ-мадраса будет стоять *шейх ал-азхар*. Туда (в высшую дагестанскую мадраса – В.Б., А.Н., Ш.Ш.) поступают из окружных мадраса наиболее способные, желающие изучать высшие науки, такие как *тафкир*, основы [веры] (*усул [ад-дин]*), *хадисы* и их основы, мусульманское право (*ал-фикх*). Здесь будут завершать свое образование и получать общее свидетельство (*иджаза ‘амма*), дающее право занимать духовные посты *мударриса*, *кади* и прочие пользующиеся уважением у населения должности. Жалование преподавателям в селениях и в округах пойдет за счет селений, пока не будет создано общественное казначейство (*байт ал-мал*), а вскоре пойдет из него. Содержание студентов в селениях брать из селений из части *заката*, предназначенной согласно шариату для бедняков. Затем я, ал-хаджжи ‘Абд ал-Басир-афанди, смиренный слуга мусульманской нации (*ал-милла ил-исламиййа*), приказываю вам, в особенности окружным властям и *кади*, сельским властям, старшинам и *кади*, в скором времени исполнить по велению благородного шариата это шариатское распоряжение (*хукм*) шариатского отдела. Тех, кто будет небрежно исполнять его, шариатский отдел будет снимать с занимаемых ими должностей и предавать их суду...»¹¹.

Осуществить этот обширный проект помешал захват Дагестана отрядами Добровольческой армии. После этого началась гражданская война, от которой пострадали главным образом города. К 1921 г. Хасавюрт фактически прекратил существовать. На три четверти был разрушен Дербент, более, чем на половину – Темир-Хан-Шура, на тридцать-сорок процентов – Петровск и Кизляр. В 1919 г. прекратили свое существование исламская типография М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре и издававшаяся при ней газета

¹¹ *Хазихи куфиййа ва нусхат ас-сиджил ал-варида мин ал-идара аш-шар‘иййа ал-джумхуриййа [ал-кавказиййа] аш-шималиййа*, в РФ ИИАЭ, ф. 16, оп. 1, д. 2205, лл. 5–4.

«Дагестан» (до 1918 г. называлась *Джаридат Дагистан*). Разрушения менее коснулись сельской местности. Несмотря на отсутствие статистических данных есть косвенные свидетельства того, что большинство сельских *мактабов* и *мадраса* продолжали свою деятельность. В них по-прежнему стекались *мута‘аллимы*. Продолжалось переписывание учебных рукописей, некоторые из которых датированы 1919–1920 гг.¹² В 1918 г. некоторые *мударрисы*, как известный ученый и публицист ‘Али Каяев, бежали из городов, чтобы учительствовать в родных селениях.

2. Раннее советское культурно-административное строительство (1920-е гг.)

В области исламского образования Дагестанская АССР в первые годы своего существования следовала курсу, взятому большевиками во время гражданской войны. Выступая 13 ноября 1920 г. на Чрезвычайном съезде народов Дагестана, И.В. Сталин, занимавший тогда пост наркома РСФСР по делам национальностей, говорил: «Советская власть знает, что темнота – первый враг народа. Поэтому необходимо создать побольше школ (светских национальных – В.Б., А.Н., Ш.Ш.) и органы управления на местных языках. Этим путем Советская власть надеется вытащить народы Дагестана из той трясины, темноты и невежества, куда их бросила старая Россия». В то же время он заявил: «Говорят, что среди дагестанских народов *шариат* имеет серьезное значение, что коммунисты против шариата. От имени правительства [Российской Социалистической Федеративной Советской Республики] объявляю, что эти слухи ложны... Пусть внутри Дагестана судят по шариату. Ничего плохого нет, говорят коммунисты»¹³. Через пару дней выступая на Съезде народов Терека Сталин еще раз подчеркнул, «Советская власть не думает объявить войну *шариату*»¹⁴.

В конце ноября 1921 г. на I-й Дагестанской партийной конференции, а затем на областной республиканской конференции шли острые дебаты по поводу принципа отделения церкви от государства и школы от церкви. Многие делегаты считали, что в Дагестане вводить рано. Они вполне обоснованно опасались повторения в горах

¹² Неопубликованные материалы археографической экспедиции 2001–2003 гг. под рук. А.Р. Шихсаидова; полевой материал авторов.

¹³ “Записи выступления т. Сталина на Съезде народов Дагестана 13 ноября 1920 г. (фотокопия)”, в РФ ИИАЭ, ф. 6, оп. 1, д. 6, л. 2. См. также: И.В. Сталин, *Сочинения*, (Москва, 1947), с. 394, 397.

¹⁴ Там же, с. 406.

антисоветского движения, подобного мятежу Гоцинского. Большинством голосов конференция признала необходимым осуществлять знаменитый декрет Совнаркома РСФСР 1918 г. поэтапно и поручила Совнаркому Дагестанской АССР подготовить его дагестанский вариант¹⁵. 5 декабря 1921 г. Первый Вседагестанский учредительный съезд советов принял Конституцию ДАССР, в которой этот принцип было закреплен законодательно. Пункт 7 был скопирован со ст. 13 Конституции РСФСР. Он гласил: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»¹⁶.

На какое-то время между Советской властью и мусульманскими общинами (*джама'атами*) Дагестана были установлены весьма сносные отношения. Большая часть '*улама*' и *мударрисов* поддержали большевиков, которые предоставили мусульманам намного больше свобод, чем им давала Российская империя. На сторону Советской власти встали влиятельные суфийские шейхи – упоминавшиеся выше 'Али-Хаджжи Акушинский и Сайпула-кади Башларов, а также *халифа* последнего Хасан Хилми ал-Кахи (Кахибский, уб. 1937)¹⁷. Все они принадлежали к двум дагестанским ветвям братства накшбандиййа – собственно накшбандиййа-халидиййа и накшбандиййа-халидиййа-махмудиййа. Последняя ветвь, идущая от Сайпулы-кади, была связана также с шазилийским *тарикатом*. Благодаря им на сторону большевиков встало множество дагестанских суфиев и их последователей. Против Советской власти в первой половине 20-х годов выступило лишь несколько шейхов ветви накшбандиййа-халидиййа¹⁸, восходящей через 'Абд ар-Рахмана ас-Сугури (Согратлинского, 1792–1882) к Джамал ад-дину ал-Газигумуки и Мухаммеду из Ярага, и далее к Исмаилу Кюрдамирскому и *мавлана* Халиду. Среди

¹⁵ Центр хранения партийной документации, в составе Центрального государственного архива Республики Дагестан (далее: ЦГА РД), (Махачкала), ф. р-1, оп. 2, д. 8, л. 67.

¹⁶ Цит. по кн.: К.М. Ханбабаев (сост.), *Религии и религиозные организации в Дагестане. Справочник*, (Махачкала, 2001), с. 60.

¹⁷ *Мактубат ал-Кахи ал-мусамма васа'ул ал-мурид фи раса'ул ал-устаз ал-фарид*, (Дамаск, 1998), с. 268–270. Подробнее об этом см.: М. Kemper, "Khalidiyya Networks in Dagestan and the Question of Jihad", *Die Welt des Islams*, (2002, vol. 42, no. 1), pp. 66, 70; М.А. Абдуллаев, *Суфизм и его разновидности на Северо-Восточном Кавказе*, (Махачкала, 2000), с. 161, 164–166.

¹⁸ Такую же политическую позицию занимал шейх Ибрахим-хаджжи из Кучраба, принадлежавший к ветви накшбандиййа-халидиййа-махмудиййа.

последних кроме скончавшегося в 1920 г. Узуна-Хаджи Салтинского следует упомянуть Мухаммеда ал-Балахани (Балаханского, ум. 1921).

В 1921 г. при поддержке оппозиционных накшбандийских шейхов и внука имама Шамиля Саит-бея Н. Гоцинский поднял среди аварцев Нагорного Дагестана последнее общедагестанское восстание против Советской власти. Однако уже через несколько месяцев оно было разгромлено. Саит-бей бежал в Турцию, а Гоцинский еще несколько лет вел партизанскую борьбу в горах Северного Дагестана и Чечни, пока не был схвачен ОГПУ и расстрелян в 1925 г. Немаловажную роль в его нейтрализации сыграла просоветская позиция Съезда мусульман Дагестана, проходившего 20 ноября 1923 г. в с. Кахиб (Аварский округ) под председательством шейха Хабибуллы Кахибского. Съезд направил приветственную телеграмму тяжело больному Ленину в Москву: «...76 шейхов и духовенства Нагорного Дагестана приветствуют тебя, вождь огромной армии пролетариата, которая освобождает весь мир от цепей рабства и унижения. Мы верим в победу твоей армии, мы верим, что с помощью твоей армии мусульманство освободится от угнетения... Мы поможем твоей армии. Избранный съездом председатель шейх Кахибский»¹⁹.

Большинство мусульманских *алимов* и суфиев сохраняли лояльность к Советской власти и во второй половине 20-х годов, несмотря на начавшееся тогда наступление государства на ислам. Многие из них регулярно выступали в поддержку советских преобразований. Порой парадоксальным образом они участвовали в большевистской антирелигиозной пропаганде. В частности, в августе 1927 г. у пира Шур на Верхне-Табасаранском участке накшбандийский шейх Гаджи-Юсуп (Рамалданов) из Хурика призвал собравшихся на *мавлид* до 300 крестьян активно вступать в кооперативы. В его выступлении несложно обнаружить и агитацию в поддержку советской культурной политики. «При царском правительстве, – говорил Гаджи-Юсуп, – мы не могли учиться и оставались неграмотными и некультурными, а поэтому теперь надо побольше детей посылать в советские школы, надо также *закаты* (из средств которых содержали учеников примечательных школ. Подробнее см. ниже. - В.Б., А.Н., Ш.Ш.) передать в крестком»²⁰.

В свою очередь правительство привлекало дагестанских ‘*улама*’ к школьному и научному строительству в 20-е годы²¹. Упомянувшийся выше ученый и преподаватель А.Акаев работал в секции Дагестанского ревкома над переводами классиков марксизма-

¹⁹ БагГараб Дагъистан (авар. “Красный Дагестан”, Махачкала, 27.11.1923, no. 262), с. 3.

²⁰ ЦГА РД, ф. р-800, оп. 2, д. 9.

²¹ См., например: ЦГА РД, ф. 1, оп. 80, д. 6738.

ленинизма на дагестанские языки. В декабре 1920 г. был издан его перевод «Интернационала» на кумыкский язык²². Выпускники дореволюционных *мадраса* получали работу в научных и учебных центрах советского Дагестана. Некоторые из них, например ученик А. Каяева М.-С. Дж. Саидов, М. Инквачилав, М. Гайдарбеков, стали первыми востоковедами республики. До революции на Кавказе в отличие от Поволжья и Средней Азии не было центров научного исламоведения²³. В 20-е годы при поддержке востоковедов из Москвы и Петрограда в регионе появились первые НИИ, краеведческие музеи. В Махачкале были созданы Дагестанский краеведческий музей и Институт национальной культуры (1924), силами которых были организованы первые экспедиции по изучению арабских рукописей из частных и мечетных библиотек горного и равнинного Дагестана.

Кроме того, в ранний советский период в республике существовала сеть мусульманских институтов – сельские и окружные шариатские суды, *мактабы* и *мадраса*, *халка* и *вирды* накшбандийских, шазилийских и кадирийских шейхов. Большинство из них действовали *de facto*, часть из них была инкорпорирована в советские государственные учреждения *de jure*. 26 апреля 1920 г. при Отделе юстиции Дагестанского областного ревкома был создан Шариатский подотдел, преобразованный 16 сентября 1920 г. в Областной шариатский отдел ревкома. 30 июля 1922 г. на его базе был образован Шариатский отдел Наркомюста (НКЮ) ДАССР по контролю за всеми шариатскими судами на территории республики²⁴. В благодарность за помощь Красной Армии во время Гражданской войны постановлением ЦИК и СНК ДАССР главой шариатского судебного аппарата республики был назначен ‘Али-Хаджжи ал-‘Акуши. Первое время он был председателем Шариатского отдела НКЮ и обладал статусом заместителя народного комиссара юстиции, затем выполнял обязанности председателя одного из окружных шарсудов в его родном селении Акуша²⁵. Учитывая влияние ислама, 9 июля 1924 г. Президиум Дагестанского Обкома ВКП (б) официально ввел в ДАССР (кроме

²² Г.М.-Р. Оразаев (сост.), *Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева*, (Махачкала, 1992), с. 112–113.

²³ Подробнее об этом см.: И.Ю. Крачковский, “Очерки по истории русской арабистики”, в кн.: И.Ю. Крачковский, *Избранные сочинения*, (Москва, 1958, т. V).

²⁴ ЦГА РД, ф. р-182, оп. 1, д. 1, л. 9, д. 8, л. 9; ф. р-37, оп. 20, д. 13, л. 55; ф. р-209, оп. 1, д. 2, л. 11, 64, 64об.

²⁵ Там же, ф. р-33, оп. 2, д. 9, л. 2.

Кизлярского района с его немусульманским населением) празднование *курбан-байрама* и *уразы-байрама*²⁶.

Из сравнения дореволюционной и советской статистики видно, что после разрухи и бедствий гражданской войны численность мусульманских школ сократилась более, чем в три раза, а число обучавшихся в них – чуть менее, чем в полтора раза. Согласно последней дореволюционным данным, в 1913 г. в Дагестанской области (примерно 60% территории Дагестанской АССР между реками Самур и Сулак) было 766 примечательных школ, в которых училось 6727 человек (6014 мальчиков и юношей, 713 девочек). По 9 округам области они распределялись следующим образом: 66 школ (381 ученик) в Аварском, 98 (687 учеников) – в Андийском, 213 (951 ученик) – в Гунибском, 47 (203 ученика) – в Даргинском, 44 (238 учеников) – в Казикумухском, 117 (1440 учеников) – в Кайтаго-Табасаранском, 52 (819 учеников) – в Кюринском, 35 (503 ученика) – в Самурском и 83 (1220 учеников) – в Темир-Хан-Шурином округе. Из городов 10 школ с 270 учениками было в Дербенте, и по одной в Петровске (10 учеников) и Темир-Хан-Шуре (35 учеников). 1 февраля 1925 в ДАССР было зарегистрировано 175 *мадраса* и *мактабов* с 4795 учащимися. Из них 67 школ с 1673 учащимися было отмечено в Даргинском, 30 (900 учащихся) – в Аварском, 29 (577 учащихся) – в Буйнакском округах, 21 (902 учащихся) – в Махачкалинском районе, 20 (500 учащихся) – в Андийском округе, 4 школы (170 учеников) – в Гунибском, по 2 школы (50 и 23 учеников) – в Лакском и Самурском округах. В Ачикулакском, Гудермесском, Кизлярском и Хасавюртовском районах по Тереку, присоединенных к ДАССР в 1921 г., а также в Дербентском районе и Кюринском округе Южного Дагестана примечательных школ не было²⁷.

Приведенная статистика требует осторожного обращения и обстоятельного комментария. Во-первых, она очень неточна. Примечательные школы не разделены на *мактабы* и *мадраса*, из них не выделены подготовительные коранические классы для детей. У властей не было критериев для такого анализа. Затем, официальные данные 1925 г. дают в целом заниженную оценку. По некоторым округам цифры обобщались до десятков и сотен. У властей не было сведений о Кайтаго-Табасаранском округе, первом по

²⁶ Там же, ф. п-1, оп. 5, д. 24, л. 12.

²⁷ *Обзор Дагестанской области за 1913 год*, (Темир-Хан-Шура, 1915), ведомости 12, 19; М.Г. Магидов, *Проблемы языка обучения и письменности народов Дагестана в культурной революции*, (Махачкала, 1971), с. 39–40. Эти статистические данные сведены в работе: Г.И. Какагаганов, “Религиозные мусульманские (примечательные) школы Дагестана”, в кн.: Шихсаидов А.Р. (отв. ред. и сост.), *Ислам и исламская культура в Дагестане*. (Москва, 2001), с. 132–137.

числу *мута‘аллимов* и втором по числу школ в 1913 г. Есть противоположные, слишком завышенные данные 1924–1925 гг. По данным первого секретаря Дагестанского Обкома ВКП (б) Н. Самурского, примечетных школ было от 1500 до 2000. В них училось 40.000–45.000 учеников, т.е. около 5% жителей республики²⁸. РКИ республики определяла численность учащихся примечетных школ в 1922–1923 гг. в 50.000, а к 1925 г. в 11 631 человек²⁹. В третьих, в силу частного нерегулярного финансирования число школ быстро росло при экономическом подъеме и сокращалось во время кризисов. Например, с 1896 по 1897 оно выросло с 846 до 862, к 1903 упало до 636, в 1908 опять выросло до 747³⁰.

В описываемый период и позднее в советском Дагестане, как и до революции, выделялись 4 ступени исламского образования. Четкой границы между ними не было. *Мактабы* порой называли «медресе». Весь процесс обучения занимал 15–20 лет, как и в дореволюционное время. Занятия обычно прерывались на период весенне-летних сельских работ. Практически во всех селениях и городах республики действовали не фигурировавшие в статистике домашние коранические классы для детей и подростков. Учителями были мужчины, реже женщины – жены и дочери имамов, получившие домашнее образование. Мальчики и девочки обучались совместно правилам чтения Корана (*таджвид*). Они должны были прочесть все 30 частей-*джуз’ов*, начиная с последних и кончая сурой «Корова» (Коран: 2). Здесь же учили начаткам арабского письма. Плата вносилась родителями учителю продуктами, одеждой, реже – деньгами, – по мере прохождения учебного материала: когда чтение доходило до суры *Ихлас* (в Дагестане ее называли *Кул-ху*), затем до *Йа Син* и т.д. В конце курса учителю подносили денежный подарок, в размерах 2,5 дореволюционных серебрянных рублей (*куруш*). Время

²⁸ Н. Самурский (Эфендиев), *Дагестан*, (Москва-Ленинград, 1925), с. 132. См. также на с. 58, 114, 129. Похожие цифры приводит в своей небезынтесной книге про Дагестан А.Скачко, соратник Самурского из Народного комиссариата РСФСР по делам национальностей, долго работавший представителем Дагестана в Президиуме ВЦИК. См.: Ан. Скачко, *Дагестан*, (Москва, 1931), с. 56, 88–89.

²⁹ ЦГА РД, ф. п-1, оп. 4, д. 5, лл. 20–26; *Резолюции первого совещания и материалы по агитработе*, (Махачкала, 1925), с. 17.

³⁰ Подсчитано по таблицам ежегодных дореволюционных *Обзоров Дагестанской области* (Темир-Хан-Шура, 1897–1909). Ср. аналогичные выводы о численности дореволюционных *мактабов* и *мадраса* Поволжья: М.Н. Фархшатов, *Народное образование в Башкирии в пореформенный период, 60–90-е годы XIX в.*, (Москва, 1994), с. 57–58; Allen J. Frank, *Muslim Religious Institutions in Imperial Russia: The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910*, (Leiden-Boston-Koln, 2001), pp. 228–232.

обучения колебалось от нескольких месяцев («зимний семестр») до 2–3 лет в зависимости от способностей ученика и учителя³¹.

Окончившие коранические классы поступали на высшую ступень начальной школы (*мактаб*). *Мактабы* давали основную массу учтенных статистикой школ. Преподавали тут имамы (*мулла, дибир*), обучавшие раздельно мальчиков и девочек с 7–13 лет. Девочки и девушки составляли от 1,5 до 30% учащихся. Особенно много девочек училось в 9 *мактабах* Акуша³². В Аварском, Даргинском, Лакском округах исламское образование девочек не встречалось. «Класс» включал 10–30 человек, которые садились кругом в доме учителя и хором повторяли за ним урок. Занятия велись на родном языке. Они начинались после утренней молитвы на заре и продолжались по 7 часов. Учебники были на арабском и тюркском (*тюрки*). Основным учебным пособием служил Коран, обычно его рукописная копия *насхом*, поэтому учеников *мактаба* называли «детьми по Корану». В идеале выпускники умели читать и писать по-арабски, знали основные молитвы, некоторые (*хафизы*) – Коран наизусть. Преподавание продолжалось от 1 до 5–6 лет. Плата была низкой: в год учитель получал от родителей учеников по 3–5 *саб* зерна или деньгами (до 5 дореволюционных серебряных рублей). Ученики получали часть *заката* (зерном)³³.

Существовало также несколько *мактабов* и средних школ (*мадраса*), в которых с начала XX в. была принята система образования, использовавшая некоторые новые методы обучения (*усул джадида*), появившиеся в Поволжье, Бахчисарае (в мадраса Гаспринского), Турции и Египте. Еще в 1908 г. в Темир-Хан-Шуринском округе действовало 8 новометодных школ, в которых училось 586 человек (в том числе 116 девочек). В них работало 16 учителей³⁴. Первым пропагандистом реформы исламского образования в Дагестане был знаменитый ученый и преподаватель родом из с. Нижнее Казанище Абу Суфьян Акаев. Согласно его «Автобиографии», до революции он успел дать начальное и среднее образование по новому методу примерно 100 детям из

³¹ Полевой материал авторов. Ср.: А. Омаров, «Воспоминания муталима», Сборник сведений о кавказских горцах (Тифлис, 1868, вып. I), с. 14–18.

³² Ан. Скачко, *Дагестан*, с. 94.

³³ Полевой материал авторов; *Адаты и обычаи даргинцев, записанные А. Алиевым со слов жителей сел. Усиша, Урахы, Цудахар* (1951), РФ ИИАЭ, ф. 5, оп. 1, д. 35, л. 29–30. Ср.: А. Омаров, «Воспоминания муталима», с. 15, 20.

³⁴ Г.Ш. Каймаразов, *Просвещение в дореволюционном Дагестане*, (Махачкала, 1989), с. 136.

Дагестана³⁵. В с Кумух Лакского округа в 1918–1928 гг. работала новометодная школа ‘Али Каяева.

Из новометодных *мударрисов* стоит отметить Б. Алибекова и Ш. Абдуллаева. В их школах преподавание велось на родном языке по звуковому методу и поурочно. Популярностью пользовались дореволюционные учебники А.Акаева для *мактабов* и *мадраса* первой ступени, в первую очередь его кумыкская азбука *Иршад ас-сбийан* («Наставление мальчикам», Темир-Хан-Шура, 1909), Краткое изложение *имана* (‘*Аджам мухтасар*), География (*Жагратийа*, Симферополь, 1903, Темир-Хан-Шура, 1908) и Арифметика (‘*Илм ал-хисаб*, Темир-Хан-Шура, 1905) на *тюрки*. В раннее советское время бывшие новометодные школы часто сливались с редкими еще светскими народными школами, организованными государством. Различить их было сложно. И в реформированных примечетных и в советских школах преподавание следовало похожим методам преподавания. Программа светских наук включала 7 одних и тех же основных предметов: арифметику, географию, географию, астрономию, начатки знаний по медицине, историю, философию³⁶. Учителя советских школ как правило имели только местное мусульманское образование. До 1924 г. в советских школах республики было официально разрешено учить Коран³⁷.

Наконец были еще *мадраса* двух уровней, которые соотносились примерно как колледжи и вузы. Учеников называли *мута‘аллимами*, а выпускников – ‘*аллимами*. *Мута‘аллимы* странствовали от одного ученого к другому. Сами учителя имели такое же местное образование. К известным *мударрисам* стекались ученики со всего Дагестана, из Чечни, Ингушетии и Азербайджана. Наиболее известные в 20-е годы центры исламского образования находились в горных и предгорных селениях Акуша, Алкадар, Аргвани, Ашты, Балахани, Гоцатль, Гуниб, Доргели, Карабудахкент, Касумкент, Кахиб, Кубачи, Кумух, Мехельта, Нижнее Казанище, Нижний Дженгутай, Обода, Согратль, Тлох, Уриб, Уркарах, Усиша, Хунзах, Хурик, Чарода, Шиназ, Штул и других, в городах Темир-Хан-Шура, Дербент. В отличие от *мактабов* это были своего рода «школы-интернаты». Жили *мута‘аллимы* в мечетях (реже у своих *кунаков*) за счет доли *заката* и *вакфов*. Благодаря *вакфам* при мечетях и в домах *мударрисов* были крупные исламские библиотеки (до нескольких тысяч книг). За счет *вакфов* и на пожертвования по завещаниям (*назр, васийа*)

³⁵ Г.М.-Р. Оразаев (сост.), *Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева*, с. 128.

³⁶ Байан ал-хака’ик (Буйнакск, 1925, по. 2), с. 6.

³⁷ К.М. Ханбабаев (сост.), *Религии и религиозные организации в Дагестане..*, с. 65.

жили *мударрисы*³⁸. К этой категории относилось более 13700 десятин угодий. Передача *вакфов* в ведение кресткомов постановлением ЦИК ДАССР от 23 июня 1924 г.³⁹ общего положения не изменила. Реально этими имуществами продолжали распоряжаться мечетные общины. Только в 1926–1927 гг. доходы *джама'атов* от вакфов и заката составили 1,5 млн. руб.⁴⁰

Мадраса было немного – всего несколько десятков на всю республику. В каждой училось от 3–5 до 30 и более человек. Количество учеников зависело от богатства общины. Так, в Акушах, согласно данным РКИ Дагестана в середине 20-х годов было 2 крупных школы под покровительством шейха 'Али-Хаджи Акушинского – *мактаб* при мечети Мамма-меджит и *мадраса* при пятничной мечети селения (Хала-меджит)⁴¹. В главной училось 22 человека. Два учителя получали по 15 руб. из заката *джама'ата*. В Кумухе целая квартальная мечеть (Кат) была отдана под общежитие и школу *мута'аллимам*⁴². Обычно *мударрис* обучал только старших студентов, достигших возраста 25–30 лет, а те уже в свою очередь обучали младших. Выпускники мадраса либо сами становились учителями-*мударрисами*, либо устраивались работать имамами и *кади* (мулла, *дибир*) при мечетных общинах, а до 1927 г. могли также получить работу в существовавших на территории ДАССР шариатских судов. Сохранение до 1928 г. арабской графики в официальном советском делопроизводстве помогало им найти работу в советских учреждениях. При этом из-за острого дефицита светских учителей многих из них принимали на работу в общеобразовательные, в основном сельские, школы.

Такая система образования существовала у мусульман-суннитов, составлявших подавляющее большинство населения республики (более 95% по переписи 1926 г.). Кроме них, в отдельных населенных пунктах Дагестанской АССР – городах Дербенте,

³⁸ Ан. Скачко, *Дагестан*, с. 96; *Адаты и обычаи даргинцев, записанные А. Алиевым...*, л. 32. Ср.: *Китаб тазкират ас-сайид 'Абд ар-Рахман б. устаз шайх ат-тарика Джамал ад-дин ал-Хусайни фи байан ахвал ахали Дагистан ва Чачан аллафа-ху ва катаба-ху фи Туплис фи санат 1285/1869*, (Махачкала, 1997), лл. 996–1036.

³⁹ А.И. Османов, “переход к НЭПу в Дагестане и некоторые его особенности, в кн.: *Вопросы истории социалистического строительства в Дагестане*, (Махачкала, 1976, вып. 2), с. 75.

⁴⁰ Революция и горец (Махачкала, 1929, nos. 7–8), с. 36.

⁴¹ А.Р. Шихсаидов, “Дагестанцы – переписчики арабских рукописей”, в кн.: А.Р. Шихсаидов, Н.А. Тагирова, Д.Х. Гаджиева, *Арабская рукописная книга в Дагестане*, (Махачкала, 2001), с. 56, 58.

⁴² Ан. Скачко, *Дагестан*, с. 94, 96. Ср.: А. Омаров, “Воспоминания муталима”, с. 63.

Буйнакске, Кизляре, Хасавюрте, селении Мискинджа и др. существовали шиитские мечетные общины (*джама'аты*). Шиитам принадлежала древнейшая в республике Дербентская джума-мечеть. В советской статистике шиитские *джама'аты* и *мадраса* не отделялись от суннитских. Этнически шиитами были иранские мигранты, в основном азербайджанцы, а также небольшая часть лезгин Южного Дагестана. В области иерархии и методики исламского образования существенных различий между суннитами и шиитами Дагестана, похоже, не существовало. У последних основным языком образования на средней и высшей ступенях вместо арабского был персидский (а порой и азербайджанский) языки. Шиитский «канон» включал в себя учебные пособия, принятые в Азербайджане и Иране того времени⁴³.

Методика обучения в большинстве школ разных уровней отличалась мало. В основе лежала семинарская система преподавания. Изучаемое произведение читалось в слух, а мударрис вместе со слушателями разбирал и комментировал его. Между *мута'аллимами* проходили ученые диспуты. Обучение велось на арабском (реже тюркских и персидском языках). Программа *мадраса* включала в себя как традиционный круг исламских наук, так и отдельные светские предметы. Состав первых не изменился с XIX в. По словам известного дореволюционного ученого 'Абд ар-Рахмана ал-Газигумуки, сюда входило 12 предметов: «морфология (*ас-сарф*) и синтаксис (*ан-нахв*), метрика [стихосложения] (*ал-'аруд*), логика (*ал-мантик*), теория диспута (*ал-муназара*), мусульманское право (*ал-фикх*), экзегетика [Корана] (*ат-тафсир*), жизнеописание пророка (*ас-сира*), суфизм (*ат-тасавуф*), риторика ('*илм ал-ма'ан*), стилистика (*ал-байан*) и поэтика (*ал-бади'*), из которых три последних считаются за одну науку, а также методика чтения лекций (*ал-мухадара*) и исчисления единиц (*ал-хуласа*)»⁴⁴. Основными предметами, которые изучались в дагестанских *мадраса*, были арабская грамматика; *фикх* шафиитского толка; Коран, *тафсир* и *таджвид*; логика и философия; хадисоведение. К ним относится большинство фондов мечетных библиотек. В РФ ИИАЭ эти науки представлены соответственно 684; 446; 195 и 135 рукописями⁴⁵. Из светских

⁴³ Полевой материал авторов лета и осени 2003 г. Тема шиитского образования на Северном Кавказе еще требует основательного. Никто серьезно не занимался ей. Следует отметить, что уже в конце XVIII в. шиитское культурное и политическое влияние потеряло актуальность в Дагестане.

⁴⁴ *Китаб тазкират ас-сайид 'Абд ар-Рахман...*, лл. 90а–90б.

⁴⁵ Н.А. Тагирова, «Тематическая характеристика арабской рукописной книги в Дагестане», в кн.: А.Р. Шихсаидов, Н.А. Тагирова, Д.Х. Гаджиева, *Арабская рукописная книга в Дагестане*, с.

гуманитарных, точных и естественных наук здесь были представлены родная история, алгебра, геометрия, география, астрономии, физика и химия⁴⁶.

На первой ступени *мадраса мута‘аллимы* завершали изучение морфологии и синтаксиса арабского языка. По традиции наиболее популярными учебниками в Дагестане 20-х годов оставались *Тасриф ал-‘Иззи* аз-Занджани, комментарий на него Са‘д ад-дина Мас‘уда б. ‘Умара ат-Тафтазани, *Ми‘ат ‘амил* ‘Абд ал-Кахира ал-Джурджани, *ал-Мукаддима ал-Аджуррумиййа* Мухаммада б. Дауд ас-Санхаджи б. Аджуррум, *ал-Унмузадж фи-н-нахв* Махмуда б. Умара аз-Замахшари, комментарии и супракомментарии на эту книгу – работы Мухаммада ал-Ардабили, *Изхар ал-асрар* ал-Биркави, *Марах ал-Арвах* Ахмада б. Али б. Мас‘уд, комментарий на него Ахмада ад-Динкузи, а также *ал-Кафиййа фи-н-нахв* и *аш-Шафиййа фи-с-Сарф* Джамал ад-дина ал-Хаджиба и сочинения дагестанских дореволюционных *мударрисов*⁴⁷. В тюркоязычных районах на равнине и в предгорьях изучалась литература на *тюрки*, а в Табасаранском, Кюринском, Самурском округах также персидский язык и литература.

После этого уровня *мута‘аллимы* переходили в специализированные *мадраса-университеты*. Здесь изучали сначала логику и философию. Эту ступень обучения, по общей исламской традиции, называли *ма‘кулат* (рациональные дисциплины). Классическим «учебником» по логике служили комментарии и супракомментарии на *Китаб ал-Исагуджи* ‘Умара ал-Абхари, а также комментарии на *ар-Рисалат аш-шамсиййа* Хусамадина ал-Кати. Сами комментируемые тексты в дагестанских *мадраса* изучались сравнительно редко⁴⁸. Наконец, на высшей ступени образования изучали *манкулат* (переданные [по исламской традиции] дисциплины) – т.е. исламское право и догматику (*фикх* и *калам*). Последнюю чаще всего учили по трактату средневекового ханафитского правоведа Наджм ад-дина ‘Умара ан-Насафи *ал-‘Ака’ид* и его

139–140. См. также: И.Ю. Крачковский, “Арабская литература на Северном Кавказе”, в кн.: И.Ю. Крачковский, *Избранные сочинения*, (Москва-Ленинград, 1960, т. VI).

⁴⁶ В.О. Бобровников, “Каяев Али”, в кн.: С.М. Прозоров (сост.), *Ислам на территории бывшей Российской империи*, (Москва, 1999, вып. 2), с. 45–46.

⁴⁷ Д.Х. Гаджиева, “Грамматические сочинения арабских авторов и их дагестанские комментарии”, в кн.: А.Р. Шихсаидов, Н.А. Тагирова, Д.Х. Гаджиева, *Арабская рукописная книга в Дагестане*, с. 214–236. Ср.: М. Kemper, *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Bashkirien, 1789–1889*, (Berlin, 1998), S. 215, 217.

⁴⁸ Н.А. Тагирова, “Тематическая характеристика арабской рукописной книги в Дагестане”, с. 179. М. Kemper, *Sufis und Gelehrte...*, S. 216.

многочисленным комментариям и супракомментариям. Кроме того, догматику изучили по классическим сочинениям теологов-суфиев ал-Газали, ад-Даввани, аш-Ша‘рани, ас-Сухраварди⁴⁹. В области мусульманского права в Дагестане (за исключением присоединенных в 1921 г. земель караногайцев) господствовали произведения шафиитского *мазхаба*. В сохранившихся мечетных библиотеках, восходящих к 20-м годам, чаще всего встречаются сочинения Мухйиддина б. Закарийа ан-Навави, обычно *Минхадж ат-талибин*, и его не менее знаменитых комментаторов Джалал ад-дина ал-Махалли и Ибн Хаджара ал-Хайтами, а также супракомментарии ал-‘Ибади и ал-Калйуби. Не менее популярными «учебниками» по праву считались *ал-Анвар*, принадлежащий перу Мухаммада ал-Ардабили, *Джам‘ ал-Джавами‘* Тадж ад-Дина ас-Субки и *Шарх ал-Иджаз* на сочинение Махмуда б. Мухаммада ал-Кирмани ал-Кахбани⁵⁰.

Следует отдельно остановиться на сложном и до настоящего времени не изученном вопросе об обучении дагестанских суфиев. Особенностью дагестанского суфизма XIX в. было отсутствие у него специальных, отличных от *мадраса* и *мактабов* учебных заведений, например, подобных *рибатам*, в которых проходил процесс суфийского образования. Эта же черта сохранялась и в советское время. Конечно, ученики в процессе обучения в *мадраса* знакомились с работами таких суфиев классического периода, как ал-Газали, ал-Кушайри и других авторов. Однако этим сочинениям не уделялось столько внимания, сколько традиционным и не связанным с суфизмом исламским дисциплинам – грамматике, логике, *тафсиру*, *хадисам*, *фикху*. Изучение работ мусульманских мистиков шло в контексте не какого-либо религиозно-мистического учения, а в контексте общей исламской этики (*ал-адаб*, *ас-сулук*). Шейхи *тарикатов*, обучавшие *муридов*, не всегда являлись преподавателями *мактабов* и *мадраса*. При этом число их последователей доходило до нескольких сотен, например, у ‘Али-Хаджжи Акушинского было от 500 до 700 *муридов*⁵¹. В процессе суфийского обучения практический опыт преобладал над теоретическими знаниями обучаемого.

Удовлетворение спроса дагестанской мусульманской школы на учебники достигалось благодаря переписке рукописей, которая не прекращалась в Дагестане до конца 70-х – 80-х годов XX в. Кроме того, в республике продолжало циркулировать немало печатных и литографированных книг и учебников, изданных прежде всего в знаменитой «исламской типографии» М. Мавраева Чохского (ум. 1967) в Темир-Хан-

⁴⁹ Н.А. Тагирова, «Тематическая характеристика...», с. 184.

⁵⁰ Там же, с. 157.

⁵¹ Ан. Скачко, *Дагестан*, с. 89, примеч. 1.

Шуре в 1903–1918 гг., а также проданных в его книжных магазинах стамбульских, египетских, казанских и бахчисарайских изданий на арабском, тюркских и нахско-дагестанских (в ‘аджаме) языках⁵². Среди них были оригинальные сочинения практикующих дагестанских *кади* и *мударрисов*, в частности, *Фатава ал-Чухи* Мухаммеда ‘Али из Чоха (Темир-Хан-Шура, 1902); *Фатава ал-Карахи* (Бахчисарай и Темир-Хан-Шура, 1904), принадлежащие перу секретаря Шамиля, а позднее *кади* Дагестанского народного суда Мухаммеда Тахира из Караха (ум. 1882); труды Муртада ‘Али (ум. 1865) и Муслима (ум. нач. XX в.) Урадинских, *Джираб ал-мамнун* (Темир-Хан-Шура, 1912) Хасана ал-Алкадари (1834–1910), ставший по словам М.-С. Саидова, «настойной книгой многих дагестанских кади»⁵³.

Вместо исчезнувших типографий и издательств возникли новые, хотя и не настолько крупные. В Темир-Хан-Шуре (Буйнакске) в начале 20-х годов выходила на арабском языке газета *Фукара’ ал-джибал* («Беднота гор»). В ней не раз дискутировались и вопросы народного образования, в том числе мусульманской школы. В 1925–1928 гг. в том же городе издавался по-арабски журнал Абу Суфйина Акаева *Байан ал-хака’ик*. Он был задуман как орган дагестанских *алимов* и *мударрисов*. Всего было впущено 12 номеров⁵⁴. На его страницах живо обсуждались вопросы реформирования программ исламского образования, связи религиозного и светского образования, новых методов преподавания и национальной школы, обучения девушек и женщин.

По сравнению с широкой сетью мусульманских школ и суфийских кружков успехи советского народного образования были слабее. В 1922/23 учебном году в 493 школах республики училось 26.202 человек. Между тем в республике было 90.000 детей школьного возраста. К 1927/28 учебному году число общеобразовательных школ даже сократилась до 420 (из них 378 в сельской местности)⁵⁵. Мусульмане, особенно горцы не

⁵² Там же, с. 167–169. См. также: *Фихрист ал-кутуб ал-ка’ина фи дар ал-кутуб ли-Мухаммад Мирза Маврайуф фи балдат Темир-Хан-Шура мин вилайат Дагистан*, (Темир-Хан-Шура, 1914); *Туби ‘а би-л-матба’ ал-исламийя ли-Мухаммад Мирза Маврайуф фи балдат Темир-Хан-Шура*, (Темир-Хан-Шура, 1914).

⁵³ *Историко-литературное наследие Гасана Алкадари*, (Махачкала, 1988), с. 45. Полный комплект журнала хранится в составе РФ ИИАЭ.

⁵⁴ Г.М.-Р. Оразаев (сост.), *Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева*, с. 112, 114.

⁵⁵ ЦГА РД, ф. п-1, оп. 4, д. 5, л. 26; *Советский Дагестан за 40 лет. Статистический сборник*, (Махачкала, 1960), с. 119.

хотели отдавать детей в советскую школу, предпочитая ей примечетную. Поэтому, например в Андийском округе на 1 октября 1925 г. советских школ было всего 4, а мусульманских (в основном *мактабы*) – 47. Остро стоял вопрос о языке обучения и письменности. Попытка реформы ‘*аджама* (1920 г.) а затем перехода школы и государственных учреждений на турецкий язык в 1923 г.⁵⁶ провалились. В 1928 г. от проекта тюркизации отказались. К концу 20-х годов исламское образование оказалось более разветвленным и жизнеспособным.

С полным текстом пособия можно ознакомиться, обратившись в СПбГУ.

⁵⁶ Н. Самурский, *Дагестан*, с. 116, 118.

⁵⁷ З.А. Салахбекова, “Атеистическая и религиозная пропаганда и агитация в Дагестане в довоенные годы”, в кн.: *Наука и молодежь*, (Махачкала, 2002), с. 34. Подробнее об этом см.: З.А. Салахбекова, *Власть и мусульманское духовенство Дагестана: история взаимоотношений (1920–1940 г.)*: диссертация... канд. ист. наук, (Махачкала, 2003), гл. I.

⁵⁸ *Инструкция по. 446/72/цс НКВД и Народного Комиссариата просвещения СССР*, Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ), ф. р-1235 сч, оп. 140, по. 31, л. 15.

⁵⁹ ЦГА РД, ф. р-238, оп. 3, д. 46, л. 22.

⁶⁰ Там же, ф. р-37, оп. 20, д. 16.

⁶¹ Подробнее об этом см.: В.М. Алпатов, *Сто языков и политика, 1917–2000*, (Москва, 2000), с. 38–101; В.О. Бобровников, “Советские национальные реформы и смена идентичности народов Северо-Западного Дагестана”, *Расы и народы*, (Москва, 2001, вып. 26), с. 68–95.

С П О Б Г А

⁶² Собрание узаконений и распоряжений РСФСР, по. 35, ст. 353; Законодательство о религиозных культах, с. 72–86.

⁶³ Подробнее об этом институте см.: М.М. Омарова, “Из истории осуществления свободы совести в Дагестане (1930–90-е гг.)”, в кн.: *Ислам в Дагестане. Межвузовский сборник научно-тематических статей*, (Махачкала, 1994), с. 99–101.

С П О Б А

⁶⁴ “Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета ДАССР Об образовании при президиуме ЦИК’а Комиссии по рассмотрению религиозных вопросов”, ЦГА РД, ф. р-564, оп. 2, д. 1, л. 6, л. 7–8.

⁶⁵ *Законодательство о религиозных культах*, с. 132. См. образцы заполненных анкет в фонде дагестанской Комиссии по рассмотрению религиозных вопросов: ЦГА РД, ф. р-564, оп. 2, д. 2, л. 31, 32, 36, 37, 49–51, 54, 56, 61, 63, 66, 69–71, 73, 77, 82, 95, 100, 102, 104, 106, 107, 110, 112, 115, 117, 119, 120, 122, 125, 127, 128, 150, 184, 237, 244, 245.

⁶⁶ Бюллетень НКВД РСФСР (24.10.1929, по. 37), с. 690–691.

⁶⁷ ЦГА РД, ф. р-564, оп. 1, д. 1, л. 48, 57.

С П О Р

⁶⁸ Красный Дагестан, (Махачкала, 9.05.1930).

⁶⁹ З.А. Салахбекова, *Власть и мусульманское духовенство Дагестана: история взаимоотношений (1920–1940 г.)*: автореферат диссертации... канд. ист. наук, (Махачкала, 2003), с. 20.

С П О Т

⁷⁰ ЦГА РД, ф. р-238, оп. 3, д. 46, л. 23, 6, д. 29, л. 29.

⁷¹ Красный Дагестан (Махачкала, 10.11.1927, по. 34).

⁷² *Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов за период с I.X.1926 по I.X.1929. Изд. ЦИК ДАССР, (Махачкала, 1929), с. 86.*

⁷³ К.М. Ханбабаев (сост.), *Религии и религиозные организации в Дагестане..*, с. 64.

С П О Т

⁷⁴ ЦГА РД, ф. р-564, оп. 1, д. 1, л. 6.

⁷⁵ Г.М.-Р. Оразаев (сост.), *Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева*, с. 115, 117–119.

⁷⁶ Г.И. Какагасанов, А.-Г.С. Гаджиев (сост.), *Али-Хаджи Акушинский – шейх аль-ислам Дагестана, патриот и миротворец. Документы и материалы*, (Махачкала, 1998), с. 176–177.

С П О Т В Е Т

⁷⁷ ЦГА РД, ф. р-800, оп. 2, д. 49, л. 58. Подробнее см.: З.А. Салахбекова, *Власть и мусульманское духовенство Дагестана: история взаимоотношений (1920–1940 г.)*: диссертация... канд. ист. наук, гл. III.

⁷⁸ М.С. Муцалханов, Х.М. Махмудов, *Дагестан в 30–е годы*, (Махачкала, 1997), с. 41–42; *Дагестанская правда* (Махачкала, 23.03.1996).

⁷⁹ Г.И. Какагасанов, А.-Г.С. Гаджиев (сост.), *Али-хаджи Акушинский – шейх-уль-ислам Дагестана, патриот и миротворец. Документы и материалы*, с. 16.

С П О Б А

⁸⁰ ЦГА РД, ф. р-800, оп. 2, д. 15, л. 23, 158.

⁸¹ Там же, ф. р-238, оп. 3, д. 46, л. 26–27, 45, оп. 11, д. 9, л. 13.

⁸² Там же, ф. п-1, оп. 10, д. 9, л. 87. См. также: ф. р-238, оп. 8, д. 4, л. 3, 61.

⁸³ Г.И. Какагасанов, “Религиозные мусульманские (примечетные) школы Дагестана”, с. 132.

⁸⁴ ЦГА РД, ф. р-564, оп. 2, д. 3, л. 6.

СЛОВА

⁸⁵ “Сведения о молитвенных зданиях и служителях культа, находящихся в пределах ДАССР на 1/ I – 1936 г.”, ЦГА РД, ф. р-564, оп. 3, д. 4, л. 1.

⁸⁶ Там же, л. 5.

⁸⁷ Там же, ф. р-352, оп. 5, д. 17, ф. р-800, оп. 2, д. 35, л. 84.

⁸⁸ Там же, ф. р-238, оп. 14, д. 1.

⁸⁹ “Постановление по. 572 от 19.05.1944 Совета Народных Комиссариатов СССР”, ГАРФ, ф. 6991, оп. 4, по. 1, лл. 1, 2. Подробнее о деятельности Совета по делам религиозных культов говорится в статье Я. Роя, написанной по материалам его архива. См.: Y. Ro'i, “Islam in the Soviet Union after the Second World War”, *Religion, State and Society* (Oxford, 1996, vol. 24, nos. 2/3), pp. 159–166.

⁹⁰ ЦГА РД, ф. р-564, оп. 1, д. 1.

⁹¹ ГАРФ, (Москва), ф. 6991, оп. 4, по. 132, л. 24.

⁹² М.М. Омарова, “Из истории осуществления свободы совести в Дагестане (1930–90-е гг.)”, с. 102; К.М. Ханбабаев (сост.), *Религии и религиозные организации в Дагестане..*, с. 68. История ДУМСК еще практически не изучена, его архивы не разобраны. С 2003 г. дагестанская группа JRP обстоятельно занимается изучением истории этого муфтията в 1943–1989 гг.

СПОБ

⁹³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 4, по. 1, л. 10. Подробнее об этом см.: Надежда Емельянова, *Мусульмане Кабарды*, (Москва, 1999), с. 78.

⁹⁴ “Инструкция по применению законодательства о культах (1961 г.)”, ст. 3, 29, 30–33. См.: в кн.: *Законодательство о религиозных культах*, с. 137, 145, 146.

СПОБН

⁹⁵ Архивные материалы Совета по делам религиозных культов, опубликованные в книге: Надежда Емельянова, *Мусульмане Кабарды*, с. 130, 80. К сожалению в этой вообще довольно спорной монографии перевраны чуть ли не все названия дагестанских селений и части районов. Причина этого – ошибки в названиях оригиналов документов. Ср.: ЦГА РД, ф. р-1234, оп. 4, д. 6, л. 2–6.

⁹⁶ Полевой материал авторов, собранный в 1992–1995 в Цумадинском районе РД.

С П О Б А

⁹⁷ Подробнее об этом см. в очерке члена нашего проекта У. Гафурова о Мусульманском образовании в Узбекистане. Вопрос об учебе дагестанцев в Мир-и Араб и Ташкентском исламском институте требует специального, пока никем еще не проводившегося, исследования.

⁹⁸ *Советский Дагестан за 40 лет*, с. 119, 121.

⁹⁹ М.-С. Саидов (сост.), *Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР*, (Москва, 1977, вып. I), с. 3; *История Дагестана с древнейших времен до наших дней*, (Махачкала, 1997), с. 329–330.

С П О Б А

¹⁰⁰ *Программа Коммунистической партии Советского Союза*, (Москва, 1961).

¹⁰¹ *Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР*, (Москва, 1980), с. 274, 431.

С П О Т

¹⁰² ГАРФ, ф. 6991, оп. 4, no. 430, 1.1. Подробнее об этом см.: Y. Ro'i, "Islam in the Soviet Union after the Second World War", p. 161.

¹⁰³ См., например: *Протоколы заседаний Бюро Дагестанского обкома КПСС*, (Махачкала, 1962), ЦГА РД, ф. р-1, оп. 2, д. 1148, лл. 80, 276, д. 2052, л. 221, д. 2054, лл. 187, 195, *passim*.

¹⁰⁴ Alexandre Bennigsen et Chantal Lemercier-Quelquejay, "L'«Islam parallele» en Union Sovietique", *Cahiers du monde russe et sovietique*, (Paris, janv.-mars 1980, vol. XXI, no. 1), pp. 57–59.

¹⁰⁵ Дело “О серьезных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения. Рассмотрено на заседании Дагестанского обкома КПСС 18 августа 1962 г.”, ЦГА РД, ф. р-1, оп. 2, д. 2054, лл. 195, 196).

¹⁰⁶ ЦГА РД, ф. р-1234, оп. 4, д. 29, лл. 5, 6. Ср.: ГАРФ, ф. 6991, оп. 4, по. 436.

¹⁰⁷ Блокнот агитатора и политинформатора, (Махачкала, 1978, pos. 11–12), с. 19. См. также архивные материалы ГАРФ, обобщенные в кн.: Надежда Емельянова, *Мусульмане Кабарды*, с. 133.

С П О Р

¹⁰⁸ ГАРФ, ф. 6991, оп. 6, д. 545, л. 97, д. 634, лл. 70–74; Законодательство о религиозных культах, с. 71–72. В 60–80-е годы структура СДК не раз менялась. Количество отделов в нем было сокращено.

С П Л О Г

¹⁰⁹ Законодательство о религиозных культах, с. 119–136.

С П О Р

¹¹⁰ К.М. Ханбабаев (сост.), *Религии и религиозные организации в Дагестане...*, с. 69–70.

С П О Р

¹¹¹ Цит. по раб.: М.М. Омарова, “Из истории осуществления свободы совести в Дагестане (1930–90-е гг.)”, с. 105.

¹¹² Полевой материал авторов. См. также: Р. МухIаммадов, *Хучадаса Меселасул МухIаммад Афанди*, (авар. “Меселасул Мухаммед-афанди из Хучады”, Махачкала, 2000); М.А. Амирханов, *Мир ислама*, ([Махачкала], 1996), с. 84–92.

С П О Р Т

¹¹³ Полевой материал авторов.

¹¹⁴ А.С. Гаджиев, “К истории переселения горцев Дагестана на равнину”, в кн.: *Вопросы истории Дагестана и Северного Кавказа*, (Махачкала, 1973, вып. I), с. 136.

С П О Б Н

¹¹⁵ А.И. Исламмагомедов, Г.А. Сергеева (ред.), *Традиционное и современное в современном быте и культуре дагестанцев переселенцев*, (Москва, 1988), с. 296–302. См. также: *Дагестанская правда*, (Махачкала, 28.11.1979, 29.06.1984).

¹¹⁶ Подробнее об этом см.: В.О. Бобровников, “Советские национальные реформы и смена идентичности народов Северо-Западного Дагестана”, *Расы и народы*, (Москва, 2001, вып. 26), с. 89–90.

СТРОГА

¹¹⁷ Н.А. Тагирова, “Тематическая характеристика арабской рукописной книги в Дагестане”, с. 137.

¹¹⁸ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, (Москва, 1990, no. 21).

С П О Р

¹¹⁹ “ Закон ДАССР “О свободе совести и религиозных организациях”, в кн.: В.Ф. Грызлов (сост.), *Дагестан: Этнополитический портрет. Очерки. Документы. Хроника*, (Москва, 1993, т. 1), с. 107–116.

¹²⁰ Полевой материал авторов. См. также: Д. Халидов, “Ислам и политика в Дагестане”, в кн.: В.Ф. Грызлов (сост.), *Дагестан: Этнополитический портрет*, (Москва, 1994, т. 2), с. 38.

¹²¹ Пресс-центр Совета министров ДАССР, в кн.: В.Ф. Грызлов (сост.), *Дагестан: Этнополитический портрет*, т. 1, с. 312.

¹²² Рукопись воспоминаний А.А.Абхаликова, ведущего специалиста Комитета по делам религий при правительстве Республики Дагестан, личный архив А.А.Абхаликова (Махачкала), с. 1–7. Рукопись любезно предоставлена автором Дагестанской группе JRP осенью 2003 г.

¹²³ В начале 90-х годов большинство из этих муфтиев лишились своих постов, а часть республиканских ДУ распалась далее на национальные муфтияты. Историю создания и информацию о современном состоянии муфтиятов Северного Кавказа см.: А.В. Кудрявцев, “Ислам на Северном Кавказе”, в кн.: В.В. Наумкин (ред.), *Постсоветское мусульманское пространство: религия, политика, идеология*. (Москва, 1995), с. 154–175; Мусульманские

СПОБ

духовные организации и объединения Российской Федерации, (Москва, 1999), с. 18–23, 30–31, 83–84.

¹²⁴ “Положение о Комитете Правительства Республики Дагестан по делам религий”, в кн.: К.М. Ханбабаев (сост.), *Религии и религиозные организации в Дагестане..*, с. 89–93. См. также: (Дагестанская правда, (Махачкала, 27.01.1994).

¹²⁵ Рукопись воспоминаний А.А.Абхаликова, л. 6–7.

¹²⁶ Подробнее об этом см.: V. Bobrovnikov, “The Islamic Revival and the National Question in Post-Soviet Daghestan”, *Religion, State and Society*, (Oxford, 1996, vol. 24, no 2/3), p. 235–236; Д.В. Макаров, *Официальный и неофициальный ислам в Дагестане*, (Москва, 2000), с. 6, 9–10.

¹²⁷ К.М. Ханбабаев (сост.), *Религии и религиозные организации в Дагестане..*, с. 94–95.

¹²⁸ *Ас-салам*, 1995, no. 1.

¹²⁹ Д.В. Макаров, *Официальный и неофициальный ислам в Дагестане*, с. 71; К.М. Ханбабаев (сост.), *Религии и религиозные организации в Дагестане..*, с. 72–73.

¹³⁰ Islam.ru – независимый исламский информационный канал, выпускаемый Фондами им. Сайидмухаммада Абубакарова и “Ансар” при попечительстве ДУМД. В конце сентября 2002 г. он считался самым популярным исламским сайтом русскоязычного Интернета. Статистика посещений, по данным Рамблера: заглавной страницы в день 200–300, весь сайт 400–500 в день, около 11 тыс. посещений в месяц. Это единственный исламский сайт Рунета, попавший в рейтинг популярности Рамблера. Второй сайт специализируется по суфийской тематике. Подробнее об этом см.: С.Н. Абашин, В.О. Бобровников, “Ислам в Рунете”, www.religare.ru

¹³¹ Подробная характеристика всех этих учебных заведений дается в следующем разделе обзора.

СПЕЦИАЛЬНАЯ

¹³² “Общие сведения о количестве религиозных объединений и организаций в РД по уточненным сведениям горрайадминистраций на 1.03.2003”, Текущий архив КДС (Махачкала).

¹³³ Полевой материал авторов 1995–2003 гг.

¹³⁴ “Общие сведения о количестве религиозных объединений и организаций в РД по уточненным сведениям горрайадминистраций на 1.03.2003”, Текущий архив КДС (Махачкала).